

Новая газ. - 2001 - 22-25 февр. - с. 11
Ушедший в некоторую тень после затопления легендарной субмарины, вперёдсмотрящий «Наутилуса» временами всплывает на поверхность. Но лишь затем, чтобы набрать в баллоны новую порцию кислорода и продолжить автономное плавание по новой акватории, определение которой каждый волен придумывать сам (кто-то недавно пошутил, что оно отражено названием группы Бориса Гребенщикова).

Но чем реже появления на поверхности, тем больше внимания к очередным кругам на воде: каждый может оказаться последним. В последнем году тысячелетия кругов оказалось немало. Дальше всех разошелся след трепетного хита о загадочной взаимосвязи далеко разнесенных на земной поверхности проливов Гибралтар & Лабрадор. Осенью неожиданно большой переполох в СМИ вызвал отказ Бутусова играть на «Кинопробах». Затем, перед Новым годом, стараниями екатеринбургской студии «NP-records» в музыкальных магазинах появился релиз за авторством Вячеслава Бутусова «Мост», изрядно удививший поклонников музыканта (если верить информации на кассете, Бутусову там принадлежит только вокал, музыка же написана некими господами Димовым, Балашовым, Красуцким, Степановым, а тексты — Азовым и Купериным; запись осуществлялась в 1984 — 1985 гг., через год была утеряна и найдена только в 1999-м).

В начале февраля Бутусов навестил столицу по поводу выхода в свет очередного «номерного» альбома, на этот раз с гордым и непонятным названием «Элизобарра Торр». Продукт совместной работы Вячеслава с группой «Deadушки» широко не презентовался, поскольку до концертной программы дело не дошло. Состоялись только индивидуальная встреча с поклонниками и задача автографов на новой пластинке в магазине «Мелодия» (соавторы не приехали, поскольку заняты записью собственного альбома) да несколько бесед с журналистами, одним из которых пожелал оказаться я...

— Насколько уютно вы чувствуете себя в Москве? Мне кажется, это достаточно жесткий город по сравнению с Питером.

— Да, но это всего лишь обстоятельства. Москва — город женский, а Питер — мужской. Я воспринимаю мужчин более размеренными и несуетными. Как градостроитель («мирная» профессия Бутусова — архитектор. — А.О.), могу уточнить, что на обоих городах — печать столицы, а остатки былой империи всегда производят печальное впечатление.

— Тем не менее вы выбрали именно Питер.

— Да нет, я не выбирал. Куда меня забрасывало, там я и жил какое-то время. Сначала я целый год жил в Москве «на перекладных» и только потом оказался в Питере.

— Как теперь вы воспринимаете свои постанутилусовские работы?

— К альбому «Чингачук — Пернатый змей» отношусь с большим интересом. Я обычно настолько наслушиваюсь готовящегося материала во время записи, что потом очень долго его не слушаю. Тем интереснее через год или два снова его прослушать уже незамыленным восприятием, отстраненно. А «Овалы» я уже давно не слушал.

— После того как закончился «Наутилус», публика достаточно жестко поделилась на тех, кто принял новый виток вашего творчества, и тех, кто не принял. То, что публика ока-

жется не готова к новому лицу Вячеслава Бутусова, вы ожидали?

— Ничего экстремального в этом не было, я не пытался сделать что-то сверхновое. Потом, эпоха «Наутилуса» давно пройдена, и по отношению к ней мнение у многих уже устоялось, а то, что происходит сейчас... Нельзя сказать, что это эпохальный период, скорее продолжение состояния некоторой неопределенности. В том смысле, что нельзя воспринимать все это целно, потому что большинство проектов я делаю в сотрудничестве, а из сольных работ — практически только «Овалы». В данном случае, что касается альбома «Элизобарра Торр», то там весь материал — и музыка, и тексты — мой, авторский. А «Deadушки» всего лишь сделали из этого шедевр.

— Это похоже по форме на работу «Deadушек» с Гребенщиковым?

— Изначально стояли совершенно разные задачи. Гребенщиков делал с ними ремиксы давно известных своих вещей, а мы специально готовили новый материал. Сделать шедевр — это экзамен на мастерство.

— Группа «Наутилус», как и «Аквариум», породила множество сольных проектов. «Отпочковавшихся» от проекта Бориса Гребенщикова можно перечислять долго, а из «Наутилуса» выросли сольные проекты Умечкого, Могилевского, Кацуры.

— Да, это есть, но я хотел бы еще добавить, что были

Вячеслав БУТУСОВ:

Я ПОЛУЧИЛ СВОБОДУ САМОИРОНИИ

Фото: Ольга БЕЛИКОВА

странные перемещения музыкантов и внутри самих этих групп. Или параллельное их участие в этих группах. И сам Боря тоже перманентно находится в состоянии создания каких-то новых проектов. Я это совершенно точно знаю, потому что мы с ним соседствуем, и как только они возвращаются с каких-нибудь гастролей, он тут же начинает что-то новое репетировать или записывать. Это меня потрясает, потому что я бы так не смог. Мне нужен определенный период инерции, чтобы что-то подготовить. Видимо, у Бори этот период был раньше, и сейчас он только пытается успеть осуществить уже задуманное.

— Ваши работы последних лет совершенно не вяжутся с пафосом «Наутилуса». Интересно, это вы стали другим человеком, или просто всплыло наружу то, что ранее подавлялось?

— Мне кажется, уместно здесь использовать какой-нибудь термин из сопромата. Если конструкция выдерживает определенную нагрузку, на которую она не рассчитана, то потом наступает момент, когда она просто ломается. Точно так же происходит, если человек в рамках коллектива не позволяет себе использовать иронию на полную катушку, поскольку не все члены коллектива адек-

ватно воспринимают иронию вообще, и особенно самоиронию. Внутри группы происходили иногда обсуждения того, не слишком ли дураковато выглядит тот или иной подход к музыкальному творчеству, и оказалось, что некоторые люди внутренне очень серьезно все это воспринимают, иногда даже на болезненном уровне. Так что теперь я, конечно, получил определенную свободу действий.

— Поддерживаете ли вы отношения с Ильей Кормильцевым и обсуждаете ли с ним ваши последние работы?

— Мы не обсуждаем серьезно эти вещи, а отношения у нас складываются только в человеческом плане, по-приятельски. У него тоже есть свой род занятий, поэтому мы больше разговариваем на бытовые темы и обсуждаем окружающую действительность.

— Вопрос из эпохи «Наутилуса». Вы иногда позволяли себе редактировать кормильцевские тексты. С чем это было связано?

— Процесс был взаимным, нам надо было найти какое-то взаимодействие, и некоторые вещи приходилось не столько редактировать, сколько привязывать к музыке. Потом, не все песни первоначально оттачивались от текста. Иногда была заготовлена музыкальная «рыба», на которую я «вставлял» текст или даже придумывал сам, но чаще Илья справлялся с этой задачей, поскольку он человек очень оперативный. Голова у него быстро варит, это я инертен.

— Насколько этически приемлемым кажется вам проект «Кинопробы», в котором вы все же приняли участие?

— Приемлемым. Все зависит от того, насколько искренне исполнение песен участниками проекта. Я особенно не задумывался над происходящим, и первоначально предполагалось, что должна была быть выбрана какая-то песня — насколько я понимаю, со стороны Марьяны Цой — и хором исполнена многими участниками. Потом такой вариант отвергли, и каждому предложили выбрать одну свою песню. Я выбрал «Звезду по имени Солнце», потому что к тому моменту она уже вертелась у меня в голове около года, и я

ее так или иначе выпустил бы. Хотя если бы я выпускал ее по собственной инициативе, то сделал бы в оркестровой аранжировке, в духе воденного марша. Но в данном случае я решил поскромничать и не впадать в крайности, поскольку во время работы на студии не было развернутых возможностей как по времени, так и по средствам. Записали мы эту песню достаточно оперативно.

— Я недавно услышал любопытную теорию о циклическом пути нашей музыки. Если верить ей, то циклов этих всего несколько, и каждый занимает примерно десятилетие. 70-е — это эпоха «детей», искренности и романтизма. Далее, в эпоху «подростков», сюда добавляется ирония. 90-е — эпоха циничных постмодернистских «коктейлей», использующих штампы уже состоявшейся культуры. То, что происходит сейчас, и куда, наверное, можно отнести ваше творчество последнего времени, — эпоха абсурда, когда логические связи между компонентами полностью отсутствуют. Далее все должно повториться, и в скором времени нас ждет новая эпоха «детей», в которой появятся свои Макаревичи и Романовы, а сменят свои Гребенщиконы, Науменко и т. д.

— Думаю, это витает в воздухе, потому что я тоже обратил внимание на подобный процесс. Но нельзя же все время находиться в одном состоянии и в одном настроении, потому что, если обстоятельства меняются, значит, меняется и отношение, мы же должны реагировать на окружающую действительность.

— Неужели есть шанс на то, что Вячеслав Бутусов вдруг решит заняться чем-то более напоминающим по духу эпоху «Наутилуса»?

— Мне кажется, что какие-то элементы «Наутилуса» все равно неизбежно присутствуют... В каждом проекте есть некая доля того пафоса — стремления к романтизму, чрезмерной иногда серьезности. Просто есть темы, которые действительно нельзя затрагивать несерьезно, а есть темы, над которыми можно смеяться.

— Вы реализуете свои увлечения, не связанные с музыкой? Пристрастие к графике, например.

— Да, потихоньку. Мне нравится мое современное по-

ложение, потому что оно носит камерный характер и вокруг нет никакого ажиотажа. Поэтому я занимаюсь, чем хочу, в свое удовольствие. Когда есть желание — я пишу, когда есть желание — рисую. Когда у меня нет желания — я этим не занимаюсь. Я считаю нормой, когда занятия происходят не по «соцзаказу», не по графике.

— Не раздражает, что публика на концертах постоянно просит петь старые хиты?

— Это, конечно, повод для раздражения, но я к этому уже привык, так что спокойно отношусь. Я тоже развивал когда-то свою теорию об «эффекте узнаваемости», причем это, по моему, общее явление. На концерте человек очень трудно воспринимает новый материал, гораздо легче воспринимать что-то знакомое. Поэтому, когда человек сидит в зале под громкий кашлеобразный звук, ему всегда проще взаимодействовать с человеком на сцене (а концерт всегда является взаимодействием слушателя и исполнителя) обменом энергии, если приходится «работать» со знакомым материалом. В противном случае люди напрягаются на концертах, воспринимая новый материал. Такие эксперименты мы проводили и поняли, что это совершенно бессмысленное занятие. Одно дело, когда в зале театральная атмосфера, но на концертах, к сожалению, все достаточно суетливо и сумбурно происходит.

— Вы часто жаловались, что устали от концертов, но тем не менее все равно их регулярно даете.

— Да, но я думаю, что больше устаю от своего отношения к концертам, чем от самих концертов. Я никак не могу нащупать соответствие, которое по максимуму оправдывало бы чем-то концертную деятельность. Наверное, надо иногда честно признаваться, что для меня это сейчас ремесло для зарабатывания денег, и ничего плохого в этом нет. С другой стороны, на определенном этапе хочется как-то обновить всю эту ситуацию, но, видимо, нужно, чтобы и публика была к этому готова. Пока же существует некий промежуточный вариант, я осматриваюсь и осваиваюсь.

● Беседовал Анатолий ОБЫДЕНКИН

25
Бутусов Вячеслав
25.02.2001